

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

НИТИ

Сборник историй

Алсу Тимерхан

Алсу Тимерхан
Нити. Сборник историй

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тимерхан А.

Нити. Сборник историй / А. Тимерхан — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-03801-1

Мир пронизан нитями. Из ярких эмоций, светлых и тёмных мыслей, хороших и не очень поступков. В этой книге каждый рассказ разного цвета. Они коснутся вас легко или нагло опутают с ног до головы. Вы готовы? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03801-1

© Тимерхан А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Забытая хризантема	5
Русалки	8
Одиночество	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Забытая хризантема

За окном шёл дождь.

Она любила дождь, чувствуя в нем родственную душу. Особенно, когда внутри себя было тоскливо и мрачно. Когда от боли приходилось кусать край больничного одеяла и слёзы неконтролируемым потоком лились по щекам, подбородку...

Аля знала, что кроме этого дождя у неё нет больше друзей. Такого молчаливого, постоянного, преданного друга больше нет на свете. И, если бы она могла подняться, то пошла... Нет! Не так. Она выбежала бы на улицу, под эти упругие, холодные капли воды. Подобно цветку, подняла бы руки и лицо к небу. Промокнув через какие-то несколько минут, стало бы совершенно безразлично что тебе холодно и ты дрожишь. Это все неважно. Главное, ты можешь просто почувствовать такие нехитрые, обычные радости жизни. Вот только портит все эта приставучая «Бы». «Хотела бы», «могла бы», «сделала бы»... **ОДНИ СПЛОШНЫЕ «БЫ»!** Никуда от них не деться. И будущее совсем неизвестно.

Когда Аля начинала грустить, санитарка тетя Сима принималась её журить. Потом приговаривала: «Ах ты моя роза алая!» – и смешно причмокивала мясистыми губами. Аля смеялась и тут же хмурилась. Ведь она вовсе не прекрасна, как эти цветы в саду за окном.

Так смешно и грустно одновременно, осознавая, что даже в мире цветов есть свои короли и королевы... Благоухающие, статные розы и могильные цветы... Если бы она была цветком, то расположилась бы где-то посередине этой касты. Или к тем, что ближе к могильным. Стала бы бессмертником или цветком хризантемы.

Все это красиво, и очень лирично, но проза жизни прямолинейна. Аля как некая вещь, которая когда-то и кому-то была очень дорога, но вдруг, в один прекрасный день ее потеряли в суете сует. Забыли, как стараются стереть из памяти неприятные события, воспоминания и ненужных людей.

Когда была жива мама, ей было неведомо понятие одиночества. Теперь, когда мамы не стало, Аля понимала причину той наполненности и гармонии, что она имела, несмотря на мучающую боль и беспокойные дни и ночи. Всему объяснением была простая **ЛЮБОВЬ**. Тот вечный двигатель для безумств, ненависти, благородства, глупостей, для тысячи других вещей.

Теперь, в свой двадцать первый день рождения, Аля была одинока. Хотя, почему? Если относиться ко всему с юмором и оптимизмом, что очень к месту, то у нее в компаньонах ее недуг и старенький ноутбук. Кстати, второе было самым важным, трепетным предметом. В век технологий он дарил девушке безграничные возможности. Пусть только в пределах виртуального пространства. Пусть лишь до того, пока есть доступ в Интернет. Пусть! Это была одна из её немногочисленных радостей. Общаться в социальных сетях, искать людей по интересам. Чувствовать радость и гордость за себя, когда стихи, которые она писала, находили отклик. Здесь никто не знал, какая она на самом деле. Именно это и нравилось Але в виртуальной жизни. Девушка ни с кем не сближалась, игнорируя приходившие порой на почту письма поклонников с предложениями о встрече. И вот, пару дней назад, она снова получила весточку. От некоего Ивана Смирнова. Аля, как всегда хотела было проигнорировать сообщение, но почему-то кликнула на фото и изумилась.

Он прислал ей стихи!

«Ты знаешь, в жизни все так сложно.

Не знаешь кто здесь друг, а кто возможный враг...

*И каждый Божий день в тумане, односложно,
находишь поневоле, новый брак...»*

Это были очень длинные, искренние строки, от которых она растрогалась. Всё, о чем он писал, перекликалось с тем, что было у нее на душе и в мыслях.

В конце сообщения не было больше ничего. Ни приглашения сходить вместе куда-нибудь, ничего такого, что могло бы заинтересовать её. Но Але стало интересно и она зашла на страницу парня. На аватаре Иван улыбался, но его глаза печально смотрели вдаль. Шатен с тёмными глазами... Девушка захотела написать ему ответ, но не знала, что? «Привет, как дела?» – как-то глупо и банально. Быть может, просто начертать: «Спасибо. Мне понравились ваши стихи»? Наверное это неплохо и вполне в тему, решила она и быстро набрала слова в строке. Секунда – сообщение улетело адресату.

Аля переживала. Что он ответит? В том, что Иван напишет ей, она не сомневалась. И вот, спустя пару минут, девушка получила от него сообщение.

«Здравствуй, Аля. Очень рад, что ты написала мне. Не ожидал. Ничего что на «ты»? Не люблю формальностей, как на приеме у врача. Я давно интересуюсь твоим творчеством. Мне нравится, как ты мыслишь, как чувствуешь этот мир. Сейчас редко кто так воспринимает жизнь». И... все. Девушка не понимала, что написать дальше. Что ответить. И все же, напечатав слова благодарности, вышла из сети.

С Иваном они переписывались уже целую неделю. Он оказался очень интересным, остроумным собеседником. Его чувство юмора спасало Алю в те редкие дни, когда от боли хотелось выпросить эвтаназию и прекратить мучения. Мир стал иным. Не таким тёмным, жестоким. Более приятным для существования.

Еще одним весомым плюсом было то, что Иван ни разу не обмолвился о свидании. С другой стороны, Алю, как девушку немного задевало, что он не предлагал встречи. Она решила, что не настолько интересна для него. Но это было не столь важным и девушка просто отогнала дурацкую мысль. Тем более, у нее не было желания объяснять человеку, почему она не придет ни на одну встречу. В этом случае понадобится рассказать о своем недуге, о аварии которая так изменила ее дни и ночи. Поэтому сейчас, она просто наслаждалась общением. Без подтекстов и пошлых намеков, где было тепло, смешно, интересно.

В один из таких дней произошло невероятное. Аля, как всегда, сидела с ноутбуком на коленях и пила чай. Она очень любила время вечернего чаепития. Свой личный «файф-о-клок».

Каждый день, именно в этот час, Аля заваривала зеленый чай с жасмином и наслаждалась напитком дополняя его неизменной шоколадной конфетой со взрывной карамелью. Ей нравилось как от горячего кипятка конфета таяла, как мелкая карамель в ней начинала искриться на языке, лопаться, отскакивая то в небо, то в щеки. Аля слышала эти «взрывы» изнутри. Казалось, что это мысли, идеи зарождаются в ее мозгу. В этот момент она растягивала удовольствие, смакуя нежный вкус шоколада. Как раз в этот самый момент, в палату шумно ворвалась тётя Сима. С огромным, ярко-желтым, солнечным букетом хризантем. Девушка тут же услышала этот горьковатый, но приятный аромат.

– Вооот, роза ты моя алая, – начала тетя Сима, шумно дыша от быстрой ходьбы. – Принимай оранжерейку.

– Мне?! Откуда это, тетя Сим?! – девушка ошарашено смотрела во все глаза на пожилую санитарку.

– Откуды, откуды?! Да оттудовы, с приемного отделения. Кто-то забыл. Ну а я решила: не пропадать же добру, не выкидывать же ее в мусор? Сразу о тебе вспомнила, розочка ты моя. Пусть хоть немного летом тебя одарю. И цветочкам хорошо, да тебе приятно, полезно будети!

Громко разговаривая на своем смешном говоре, санитарка быстро удалилась из палаты, оставив Алю в смешанных чувствах. Девушка повернула голову в сторону тумбочки, на которой в трехлитровой банке гордо восседал букетище.

«Ладно», – подумала Аля, – «Пусть он и не мне предназначался, пускай стоит себе».

Стараясь быть безразличной, она пыталась писать стихи. Но как это сделать, если солнечные хризантемы отвлекают своей красотой?

Весь оставшийся вечер, девушка просидела, уткнувшись носом в лепестки цветов, вдыхая ароматы и представляя себя далеко отсюда.

После этого случая, тётя Сима практически ежедневно приносила одинаковые жёлтые хризантемы. Аля чувствовала, что и первый букет санитарка не нашла, а просто купила, чтобы порадовать ее.

Девушка терпеть не могла жалости. Поэтому, подозревая женщину в цветочном обмане, Аля объявила ей молчаливый бойкот. Насупив брови, она молчала третьи сутки. Тетя Сима даже глазом не моргнула. Вела себя как обычно.

В пятницу вечером, когда девушка по обыкновению пила свой чай, в дверь палаты постучались. Аля хотела было проигнорировать стук, но подумала что возможно это какой-нибудь посетитель одной из ее соседок. Так как в это время они были на прогулке, ей ничего не оставалось, как громко сказать:

– Входите!

Дверь медленно открылась. Ее взору сначала предстал большой букет желтых хризантем, затем появилась мужская рука. А после... Аля онемела. Застыла в шоке. Перед ней стоял Иван! Широко улыбающийся, с задорными искорками в глазах.

Аля в панике закрылась одеялом до самой макушки. От страха и удивления она не знала что делала. Точнее, знала, как глупо выглядела сейчас.

– Аля...

Голос Ивана был мягким и очень тёплым.

– Аля, я знаю что с тобой. Знаю о неизлечимой болезни. Но для меня это всё такая мелочь. Давай просто поговорим?

Он не обещал ей ничего нереального. А значит, вряд ли Иван лукавит. Ей хотелось верить ему. Ведь для неё он стал не просто другом по переписке. Иван начинал проникать в нутро Али. Она боялась и в то же время желала большего. Девушка медленно опустила шерстяное одеяло и прошептала:

– Как ты узнал?

– Это несложно. Всего-то найти из 1567-ми Алин Сидоренко лишь одну. Без друзей в полиции это было бы невозможным. А так... – Иван улыбнулся. – А с цветами я немного переборщил. Я думаю, что хризантемы похожи на тебя. Они красивы особой красотой и очень стойкие, как и ты. Ведь, согласишься, получать их было приятно?

Она кивнула и продолжила слушать парня.

– Я не строю планов. Я живу настоящим. А сейчас предлагаю тебе просто дружбу, которая, возможно, перерастет во что-то большее. А может и нет. Нет смысла гадать.

Так что, мир?...

Когда была жива мама и мне было больно, я спрашивала у неё: «Пройдет ли эта боль?»

Она долго молчала, глядя меня по голове. А после говорила:

– В мире есть несколько вечных вещей. Это время, жизнь, смерть, любовь и перемены. Самое важное для меня – перемены. Потому что ничего не стоит на месте. Все рано или поздно меняется. Твоя жизнь тоже поменяется. И боль уйдет...

Она была права.

Мы с Иваном вместе уже целый год. Я не хожу и вряд ли буду. Но нас это мало интересует. Потому что я счастлива и без этого. Потому что Иван умеет меня смешить и заваривает прекрасный чай. И для меня хризантемы больше не могильные цветы. Это забытые, вновь обретенные, очень выносливые цветы перемен.

(08.07.2019)

Русалки

Июнь месяц в этом году был хорош! Горячий воздух и яркое солнце ласкали хлеба на полях, подпитывая каждый зеленый росток своим теплом и благодатью. После зноя, приплывавшие темные корабли дождевых туч, со всей яростью хлестали пыльную землю ливнями и напоминали юной Фахернисе её строгого отца – Мустафу. Но, как после его наказа девушка становилась мудрее, так и после щедрого дождя, все живое на полях, огородах и лесных полянах наливалось ростом, цветом да нежными сочными ягодами пуше прежнего.

Катая по небу сладкую ягоду каен жилэге (подберёзовики), Фахерниса благодарила силы природы и Аллаха. Про Аллаха она, конечно, думала про себя, тихо, стараясь не упомянуть нечаянно вслух. Ведь в школе их учили, что Бога нет, что советский человек сам себе хозяин, чей труд и вера в светлое будущее куда сильнее, чем вымышленный хазратами да батюшками Бог. Но дэу эни (бабушка) мало пугало мнение чужих людей и она учила внучку всем молитвам, которые только помнила в свои восемьдесят лет.

– Фахерниса, живее, доченька, нам ещё к приходу отца ужин готовить, – услышала девушка мать, что собирала ягоды чуть ниже, у пригорка. Голос у неё был звонкий, молодой, а ведь Бибинур уже разменяла пятый десяток.

Да и нельзя было сказать, что мать у неё стара. Род у неё крепкий, выносливый, откуда она переняла свой пышущий здоровьем вид и неиссякаемую силу.

Подняв наполненную сладкими ягодами корзину, Фахерниса медленно начала спускаться к матери. Солнце опускалось к горизонту, воздух стыл и становился свежим, прохладным, загоня кусачих оводов в свои убежища, но высвобождая рои не менее вредных мошек.

Когда они пришли домой, мычание коров и овец заполнили улицы деревни, пахло стынущей землей, мёдом трав. Шестнадцатилетняя Фахерниса так бы и наслаждалась вечером, да только их с матерью ждали хлопоты по дому, не до безделья! Она быстро натаскала в баню воды из колодца, шустро управляясь коромыслом – вода в вёдрах не успевала расплескаться и пролиться наземь. Тем временем, дрова в печи разгорелись так сильно, что приятный запах дыма заполнил воздух их двора, медленно утекая через забор и огромные ветви древней ивы на соседние улицы, переулки, огороды. Было хорошо, спокойно и дух жареного лука дразнил желудок из распахнутого окна кухни. Фахерниса видела как мать поставила на стол покрытый вышитой скатертью огромный чугунок с отварным картофелем, как посыпала золотистую горку ароматными кружочками лука, моркови, нарезала еще только утром испеченный хлеб, налила в глиняную плошку крашеный свекольным соком катык.

Потом вернулся отец с поля, с работы пришёл старший брат и сестра. Ужин прошёл весело, сытно отягивая живот, под звонкий смех их отца Мустафы и мудрые изречения дэу эни. Фахерниса ещё долго вспоминала шутки отца, пытаясь сдержаться, не приснуть смехом в темноту дома, где все уже спали сладким сном.

...Казалось, все это ей просто снится, словно не было того счастливого, последнего мирного июньского вечера.

На следующее утро началась война. Нет, на них не падали фашистские бомбы, в них не стреляли, но... Радиорупор на центральной площади объявил – "война". Медленно и страшно она раскрыла свой безобразный, жадный зев, забирая мужчин их деревни: отцов, сыновей, всех, кто мог защищать родную землю.

Первым ушли отец с братом Амирханом, через месяц, в конце июля уехала на фронт и сестра Гульшат, которая служила медсестрой в Аюском фельдшер-акушерском пункте. Остались они с матерью одни-одинёшеньки. Но времени для грусти не было: мать работала на колхозном поле от зари до зари, определив Фахернису рядом с собой. Они приходили домой засветло и, даже не глотнув воды, падали изможденные, голодные на нерасстеленную постель.

Так прошло лето, осень, зима. Пришла весна, а война всё продолжалась. За это время многим пришла похоронка, люди сокрушались по своим родным, близким, где-то кто-то умирал, а в их деревне, наперекор всему, начали рождаться дети. Малыши, ставшие продолжением тех, кто уже никогда не увидит родной, сопящий комочек в руках любимой.

В начале апреля 1942 года пришлось расстаться с матерью и Фахернисе. Колхоз направил её и ещё около пятнадцати девушек на торфяные топи. Прощаясь, мать не смогла сдерживать слёз, а дочь, как в последний раз крепко обняла плачущую Бибинур. Девушка до сих пор помнила запах сухих трав с волос матери, колкость шали и тепло рук. От взгляда ее глаз у Фахернисы сжалось сердце. Пронзительного, вобравшего в себя всю печаль и горечь расставания. Сдерживая порыв свой, она лишь прошептала: «Я ведь ни на войну, энием, что же ты плачешь, родная моя? Дай Аллах свидимся, обязательно свидимся через полгода! Ты только не волнуйся, мамочка, слышишь?»

После затянувшегося прощания, полуторка, скрипя и кряхтя, сорвалась с места. Кто-то громко вздохнул за спиной Фахернисы. Тяжко, протяжно...

А Бибинур стояла, вытирая слёзы вышитым белым платком. Как и другие, такие же матери, чьи дома опустели вмиг, чьи души осиротели за раз. Какая беспощадная, злая, да жадная эта женщина – война.

На набережно-челнинских разработках торфа трудились многие из близлежащих районов и деревень. Фахерниса стояла и смотрела, выпучив карие глаза: сколько же тут было подростков. В одном ряду со взрослыми женщинами – девушки, девочки, мальчики. Худенькие как ниточки руки и ноги, невысокий рост. От мужчины у мальчиков только штаны, и то, зала-танные-перелатанные. Словом, дети, да и только.

– Здравствуйте, товарищи! Будем знакомы, я Мария Ильинична Зиновьева – бригадир вашего рабочего отряда. Много говорить не буду, в войну важны не слова, а наши дела, наш вклад на пути к победе над проклятыми фашистами! Так будем же бить врага, помогая фронту своим трудом, товарищи! Торф как никогда важен нашей Родине, когда в стране перебои с углём, по вине треклятых оккупантов!

Товарищ Зиновьева говорила пылко, по существу. Даже алый платок поверх светло-русой головы словно призывал всех к борьбе за родные земли. А после, проникшихся воодушевляющими речами народ повели к баракам, которые должны были заменить им родной дом на шесть-семь месяцев. Стены времянок были тонкие, кое-где отсыревшие от протекающей крыши, пахло копотью от небольшой буржуйки и чувствовался неуютный холод. Этот холод они испытали на себе в первую же ночь, когда мокрые, продрогшие до самых костей ввалились в бараки. Еле стянув с ног сырую обувь, шерстяные носки, брюки, а также панталоны, женщины молча легли под худые одеяла в тонких сорочках. Хватило их ненадолго. Несмотря на жарко горящий огонь в печке, все до последнего человека дрожали и стучали зубами как очумелые. Первой выскочила из постели Фахерниса. Надев на себя единственную смену одежды и укутавшись в старую шаль, она юркнула снова под одеяло – сжалась под ним, пытаясь сохранить ускользающее тепло. Так и уснула.

Дни шли, тянулись похожие один на другой. Солнце светило ярче, погода радовала ласковым теплом. Но ночи оставались всё такими же суровыми, недружелюбными. На голодный желудок уснуть не получалось, а когда сон побеждал, подходило время идти на работу. И вот, ты снова стоишь по грудь в ледяной гидромассе, с топором в руке, очищая проход к торфяным каналам. Другая бригада так же в воде нарезала пласты торфа в кирпичики, которые выносила в огромных корзинах на берег. Потом, эти семи-восемью килограммовые кирпичики детскими руками укладывались в «карточные домики» для просушки. И никто не уходил с работы пока не выполнит свой план: триста кирпичиков торфа в день! После тяжелого труда, вгрызаясь в свой единственный за день двухсотграммовый брусочек горького чёрного хлеба,

кажется, что сходишь с ума, хочется сбежать отсюда далеко-далеко. Но Фахерниса, как и другие торфяницы, скрипела зубами, терпела. Ведь тем, кто сейчас на фронте хуже чем им. Поэтому трудись, Фахерниса, работай, преодолая всё на своем пути! За победу, за близких, что проливают кровь в бою!

– Русалочки мои, милые! – говорит ласково Мария Ильинична, когда видит, что работницы еле стоят на ногах. – Девочки мои, ещё немного, родные, – и идёт в ту же топь, где все копошатся. Иногда ласка не действует. Тогда, бригадирша снова рассказывает пропаганду, даже просто кричит бранными словами. И снова все идут выполнять план, укреплять тыл.

А сегодня, Фахерниса сделала открытие. Уже второй месяц у нее не было крови.

– Это потому, что питаешься худо. Посмотри, ведь на лице только глазищи остались. Вернешься домой, отъешься – придут они, дни эти, – успокаивает девушку соседка по койке, сорокалетняя кряшенка тётя Таня.

Домой... Быстрее бы вернуться, увидеть маму...

Хочется её супа с крапивой, тепла и забыть о войне, торфе, Марии Ильиничне Зиновьевой...

Домой, домой, домой! Только не время ещё. Нужно перетерпеть оставшиеся четыре месяца и тогда... всё будет хорошо. Так терпи же, Фахерниса, работай!

Без тётки Тани было бы невыносимо. Таня, как опытная торфушка, уже работавшая до войны на торфяниках, помогала Фахернисе советами как сберечься от нещадно кусавших их комаров и слепней в адскую летнюю жару. Именно благодаря ей, девушка уставала меньше чем другие, чему была благодарна новой знакомой.

Русалочки дни так и тянулись в торфяниках кашей на воде, хлебом по карточкам, двенадцатичасовой рабочей сменой и беспокойным сном в пять-шесть часов. Но было и хорошее. Таня стала для Фахернисы близкой подругой, наставницей. Лёжа на соломенных матрасах в душном, сыром бараке, они шепотом рассказывали друг другу о своих семьях, о домашней стряпне, разговаривали о войне, всяких женских глупостях и... мечтах.

Таня очень красиво пела и в своё время, хотела стать артисткой. Только совсем неожиданно влюбилась в парня с соседней деревни, вышла замуж, родила детей. Так и осталась её мечта где-то в ней, временами вырывавшаяся наружу звонкой песней или нежной колыбельной. А вот Фахерниса еще не знала чего желает. Не задумывалась юная душа ни о чём другом, не тосковала, как о родном доме и матери. И плакала она, тоже уткнувшись в плечо Тани, доброй, понимающей...

Уезжая домой, в ноябре того же года, они условились с Таней писать друг другу письма и когда-нибудь, когда закончится война – свидеться и поговорить по душам. И вот, сжимая в руках крошечный газетный кусочек с нацарапанным на нем адресом, Фахерниса с грустью провожала уезжающую подругу. Такую же русалку как и она сама.

– Домой, домой, домой! – кричит раскрасневшаяся от волнения Фахерниса сыну, – Что же ты, Мансур, не напомнил мне о губадие! Разве зря я целое утро пекла, старалась!

– Не переживай, мама! Успеем!

– Дай-то Севышний!

– Мама!

Через час они, наконец, доезжают до Бикбулово. Село встречает их ароматами цветущей черёмухи, людьми, идущими по улице с яркими букетами красных и жёлтых тюльпанов, ранних полевых цветов. Они проезжают мимо них, вверх по улице, минуют сельскую библиотеку, детский сад. Наконец, у здания почты «Запорожец» Мансура сбавляет ход.

– Куда дальше, мама?

– Да вот же дом Тани, напротив Почты, – усмехается Фахерниса. – Каждый год ведь приезжаем, пора бы запомнить, голова твоя садовая! Эээх!!!

Фахерниса спешит. Не дожидаясь сына, она выпрыгивает из машины и, прижав тарелку с пирогом к груди, бежит, спешит в дом с резными узорами на наличниках и парными голубями на крыше. С шумом входит в него и кричит:

– Танюша!

И слышит её, старую свою подругу. Они обнимаются и смеются, словно не было прожитых лет, не было всех тех невзгод, что выпали на их долю. Но они помнят. До сих пор помнят холодные топи торфяных просторов, помнят как называли их русалками, как держались вместе и делили серый, горький хлеб войны...

(12.09.2020)

Одиночество

Сколько лет прошло с того дня, как Саня Ильгамовна в последний раз слышала родные голоса в этом покосившемся доме? Лет эдак десять или пятнадцать назад? Не припомнит уже. Путается даже в своём возрасте. Да и не мудрено. Сложно ей вспомнить и продеть бусины воспоминаний по порядку – в ряд. Ведь старость вытянула все силы, красоту и здоровье из тела женщины. Как опытный спекулянт, она ловко выторговывала год за годом каждую из этих прелестных, дорогих для себя сокровищ из под носа селянки. Саня Ильгамовна же не замечала хитрой игры времени, бурля в кипятке будничной рутины день изо дня. Как же она успевала тогда? И на ферме поработать, и огромное домашнее хозяйство вести, троих детей воспитать, да мужа умаслить когда надобно?

«В молодости вся соль. Не видит она преград. Всюду песней льётся, танцами кружит, не замечает неправильного. От того и работа легко делается, по-доброму...» – сказала как-то соседка Махинур эби, которой в живых-то давным-давно нет. Не вникала, не прислушивалась в свои молодые годы в смысл слов тех, Саня. Лишь на пороге забвения многое стало приобретать смысл и раскрывать свой вкус.

– Жаль, только поздно я спохватилась, – проскрипела севшим, дрожащим голосом старушка. – Знала бы где упаду – солону бы постелила...

Разгоняя тоскливые мысли, в дверь постучали. Требовательно, излишне жизнерадостно. Не успела женщина и рта раскрыть, как тут же прозвенел знакомый голос:

– Саня апа! Саня апа!

– Проходи, Зейнап! Дома я!

– Ой, еле до тебя добралась. Думала не успею, так завтра загляну, – убирая со лба непослушные пряди волос, почтальон прошла на кухню. Попутно, она начала копаться в сумке, что свисала с тонкого плеча. – Вот тебе тут письмо пришло. От какого-то незнакомого мужчины.

– От незнакомого? – нахмурилась старушка. Десять лет ни единой весточки не получила, а тут письмо – подозрительное. – Прочти мне его, Зейнап. Сама не осилю.

Почтальону только это и надо. Разрывая конверт нетерпеливыми, проворными пальцами, она наконец выудила на свет сложенный вдвое листок бумаги.

– «Здравствуйте, уважаемая Саня Ильгамовна! – начала читать Зейнап. – Меня зовут Александр Шашурин и пишу я вам из колонии в Оренбурге...» Эстэгыфируллаа!! – голос почтальона дрогнул.

– Читай дальше, не останавливайся, – тихо произнесла старушка, а у самой где-то в сердце кольнуло. Словно невидимая рука иголкой коснулась.

С каждой строчкой боль всё усиливалась, грудь горела как от укуса дюжины пчёл. Терпеть её Саня Ильгамовна более не могла. Благо корвалол был тут же, на столе, в жестяной коробке из-под печенья, вместе с другими лекарствами.

Зейнап тоже вся побледнела. Альый румянец, недавно красовавшийся на пухлых щеках, вмиг вылинял.

– «... Две недели назад сына вашего схоронили. Недалеко, на территории тюрьмы. И я решил: вы, как мать, должны знать что случилось с Фуадом. Почему он не передавал вам вестей от себя. Он был честным, хорошим человеком, всегда переживал о вас...».

Так вот что случилось с моим младшеньким... Целых десять лет я гадала, покоя не находила, просила отыскать сыночка. А тут судьба вон чего сготовила ...

Сания Ильгамовна уже не слышала слов утешения Зейнап, не чувствовала её рук на своих дряхлых, костлявых плечах. Все мысли старушки крутились вокруг её детей. В душе она рыдала горячими слезами, в то время как глаза оставались сухими и неподвижными.

Нет, не могла пожилая мать поверить, что сын встал на кривую дорожку! Только не по своей воле! Наверное его обманули, втянули в чёрное дело. Вот ведь и Александр ага пишет, что подставили Фуада, что за убийство человека наказан лишь её сын...

Ах, Фуад...

В детстве он жалел каждую случайно раздавленную букашку, каждую живность, которой была уготована участь пищи на их столе. Когда забивали барашка или телёнка, Фуад со слезами на глазах убегал домой. Там он прятался часами в углу, за печкой. Не разговаривая от обиды, упорно молчал – проявлял свой упрямый, как и у отца, характер. Видя это, муж лишь недовольно покачивал головой, да приговаривал: "Неженкой подрастает!"

Строг был муж с детьми. Излишне суров. Но Сания не вмешивалась, когда он отчитывал Амину, старшего сына Марата и младшего за провинности или велел выполнить непосильную для них работу. Знала – проку не будет. Анвар не уступил бы жене, только пуще прежнего распалится.

Поэтому Сания с нетерпением ждала, когда же муж уйдет на работу или по иным делам, чтобы немного побаловать своих кровинушек. Быть может в том была её вина, что не заметила как пересолила она вниманием, поблажками и подарками? Не по этой ли причине, дети выросли не готовыми к тягостям и лишениям? Ведь видела, знала Сания как по мере взросления старшие стали самовлюбленными, грубоватыми, да с каждым днём всё больше требовали: «Дай, мама, дай!» Поддай кусок пирога, что для отца припрятан, купи лишнюю игрушку, дай денег в кино...

Как только Фуада миновала такая испорченность? Единственный из троих он помогал матери чем мог: в огороде возился, за утятами приглядывал, посуду помыть и то носа не воротил. И пусть отец каждый раз, застав его за этой работой ворчал: «Не мужское это занятие – в женские дела вмешиваться!» На что сын тихо, вежливо отвечал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.